

УДК 7.041

К вопросу о генезисе косметических практик трансформации тела в культуре

Пронькина Анна Владимировна

Кандидат культурологии, доцент,
и.о. заведующего кафедрой культурологии,
Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина,
390000, Российская Федерация, Рязань, ул. Ленина, 20;
e-mail: a.pronkina@rsu.edu.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме возникновения феномена косметических практик трансформации тела в культуре как способов визуального преобразования телесности, связанных с живописным или живописно-пластическим оформлением внешнего вида человека без нарушения биологических структур его тела. Автор анализирует археологические, этнографические и собственно культурологические данные, позволяющие реконструировать семантический функционал обращения первобытного человека к освоению границ собственного тела живописными средствами. Особое внимание в статье уделяется утверждению идеи тотальности косметических практик трансформации тела, их перманентной сакральной, а затем и светской определенности. Методология исследования построена на цивилизационном и компаративном подходах, а также на принципах сравнительно-исторической аналитики, предполагающей детерминизм, объективность и достоверность полученных результатов. Проведенный анализ позволил установить временные рамки генезиса, выдвинуть ряд предположений, связанных с их реальной репрезентацией в структуре первобытного общества (утилитарная и неутилитарная роспись, ритуальное окрашивание, обрядовое окрашивание, социальное маркирование). Выявлена взаимосвязь становления практик косметической трансформации тела с собственно возникновением изобразительной деятельности древнего человека; утверждается, что потребность в раскрашивании лица и тела могла появиться значительно раньше, чем собственно изобразительное искусство. Обозначены колористические и орнаментальные особенности практик, их возможная символика. Проведен историко-культурологический анализ научных работ, раскрывающих подробности протекания процесса возникновения косметических практик трансформации тела в культуре; впервые исследована специфика генезиса косметиче-

ских практик трансформации тела с позиций облагораживания, маркирования, сакрализации, социализации и инкультурации тела человека.

Для цитирования в научных исследованиях

Пронькина А.В. К вопросу о генезисе косметических практик трансформации тела в культуре. // Культура и цивилизация. 2016. Том 6. № 5А. С. 343-351.

Ключевые слова

Практики трансформации тела, косметические практики трансформации тела, социокультурные практики, практики тела, трансформация тела

Введение

Прежде всего, обозначим, что в контексте данной статьи под косметическими практиками трансформации тела понимаются способы обыденного или специализированного визуального преобразования телесности, связанные с живописным или живописно-пластическим оформлением внешнего вида человека без нарушения биологических структур его тела средствами декоративной косметики, грима (театральной косметики), косметических красок, декоративных элементов и спецэффектов. Указанная трактовка подразумевает главным образом соотнесение процессуальной стороны практик с результативным компонентом указанных средств, предназначенных для живописного или живописно-пластического оформления внешнего вида человека (причем именно оформления, так как их целевая ориентация связана с различными функциями), а то, что все они реализуются без нарушения биологических структур тела, может способствовать их рассмотрению как «второй кожи», своеобразного убранства тела без предметно выраженного убора, телесности, одновременно выходящей и не выходящей за пределы собственного тела.

В современной культуре косметические практики трансформации тела представлены значительным количеством типологических единиц (например, роспись лица и тела, грим, макияж), оформившихся в результате поступательной культурной динамики обществ от первобытной эпохи до настоящего времени. Вместе с тем, несмотря на активность импликации косметических практик трансформации тела в структуру культуры, рассмотрение их как самостоятельного явления практически не встречается в пространстве гуманитарных исследований. Это обстоятельство затрудняет не только объективность познания видового разнообразия соматической деятельности человека, но и не позволяет составить комплекс представлений о многоаспектности архитектоники самой культуры на разных временных отрезках. Кроме того, культурная аналитика современных косметических практик трансформации тела не представляется возможной без обращения к первоисточкам, то есть к самому процессу их становления в культурном ландшафте.

Данные археологии

В результате фактического анализа источников установлено, что начало распространения косметических практик трансформации тела лежит в структуре первобытной культуры. И.С. Сыромятникова, рассматривая историю возникновения и развития косметических средств, утверждает, что еще «в пещерах ледникового периода археологами были найдены карандаши губной помады, палочки для окрашивания глаз и бровей, стержни для татуировки» [Сыромятникова, 1999, 4]. Конечно, такое суждение слегка преувеличено, однако, действительно, изобразительное освоение тела, основанное на активном использовании натуральных красящих пигментов, известно с каменного века [Corson, 2005; Gunn, 1973]. «Относящиеся к эпохе палеолита находки свидетельствуют, что тогда употреблялось по крайней мере 17 различных красок <...> среди которых наиболее распространенными были белила (мел, мергель, известь), черная краска (древесный уголь, марганцевая руда) и целая гамма оттенков охры – от светло-желтого до оранжевого и красного. Те же краски использовались и создателями шедевров палеолитической живописи. <...> Несомненно, раскрашивались и сами мертвецы. В погребениях часто находят следы краски» [Происхождение вещей, 1995, 106-107]. Помимо красок, активно применяли и приспособления для их нанесения – лопаточки в форме человеческой руки и штампы-пинтадеры с орнаментальным узором (от *pintar* – «окрашивать, красить, рисовать»). По-видимому, хранение и смешивание красок осуществлялось по установленным правилам; для этого использовали и специальную утварь – костяные или шиферные сосуды и шиферные палитры [там же, 107].

Семантика функционирования

Безусловно, восстановить подлинный смысл обращения первобытного человека к трансформации собственного тела живописными средствами невозможно, однако выдвинуть несколько гипотез вполне реально.

1. Первобытный человек мыслил себя как наиболее слабое из существующих в тот момент животных, не имеющее активных и мощных физических средств защиты и борьбы. Развивая возможности своего тела, а также модифицируя его с помощью подручных природных красителей, он, с одной стороны, умело вписывался в природный ареал (камуфляж), а с другой – устанавливал взаимосвязь с тотемизированным предком.

2. Раскраска тела могла иметь гигиеническое назначение.

3. Воинская окраска должна была отпугивать не только врагов в бою, но и служить защитой от злых духов и иных магических негативных влияний.

4. Помимо утилитарной раскраски, существовали и символические формы росписи тела и его элементов.

5. Окрас нес и значимую для окружающих информацию: сообщал о родовой принадлежности древнего человека, его роли и статусе в племени, личных качествах и заслугах.

6. Особым смыслом наделялось тело, непосредственно включенное в систему ритуально-магических действий.

7. Окраска могла способствовать привлечению половых партнеров.

8. Принятие росписи тела могло входить в структуру обряда инициации.

Описывая «неснимаемые украшения» древнего человека, один из основателей российской этнографии Н.М. Харузин указывает: «Окрашивание употребительно у большинства народностей, живущих в теплых широтах. Причины возникновения обычая окрашиваться остаются неясными, и относительно них существует два взгляда. Одни выводят этот обычай исключительно из соображений практических, другие находят, что окрашивание возникло благодаря эстетическому чувству дикаря» [Харузин, 1901, 276].

Подобные предположения в некотором роде подтверждаются более поздними описаниями жизнедеятельности традиционных племен. В частности, в «Сообщении о делах в Юкатане» (1566 г.) Д. де Ланда, основанного на наблюдениях автора и более ранних источниках, посвященных изучению культуры индейцев майя, находим следующее видетельство: «Они имели обыкновение красить в красный цвет лицо и тело; это придавало им очень дурной вид, но считалось у них очень изящным» [де Ланда, www]. Функциональные аспекты раскрашивания тела «дикарями» становятся предметом специального рассмотрения в работе немецкого этнографа и искусствоведа Э. Гроссе «Происхождение искусства» (1894), которым он посвящает отдельную главу под общим заголовком «Косметика». Анализируя диссеминацию и специфику окрашивания у различных австралийских племен, он отмечает, что «обычай раскрашивать тело распространен на низшей культурной ступени почти повсеместно... <...> В жизни австралийцев всякое сколько-нибудь выдающееся событие отмечается соответственным раскрашиванием» [Гроссе, 1899, 52]. Среди таких событий Гроссе выделяет следующие: «праздник посвящения юношей», ритуалы, связанные с обретением воинской окраски, священные «пляски», траур. В качестве доминирующих цветов им названы красный, желтый, белый, черный. В частности, «окраска в красный цвет обозначает в Австралии не только вступление в жизнь, но и разлуку с нею» [там же, 53]; белый цвет является обязательным не только в рамках Корробори, но и трактуется как символ скорби. Нанесение краски осуществляется мазками, пятнами, может оформляться в виде рисунка, линии которого имеют «фантастический характер, но расположены всегда по определенному плану» [там же]. При этом узор не возникает как свободное творчество, он подражает мотивам, «которые доставляет первобытному художнику его повседневная жизнь» [там же, 63]. Сравнивая раскраску австралийцев с племенами бушменов, он отличает первую как более разнообразную; с жителями Огненной земли – отмечает наименьшее распространение белого цвета, преобладание красного и черного цветов, геометричность узора. Вместе с тем, несмотря на многообразие примеров и указание на контекстность, Гроссе приходит к выводу, что основная цель «первобытного раскрашивания» состоит

главным образом в эстетике тела: «это – украшение, а вовсе не вид первобытной одежды, как иногда утверждали» [там же, 57]. На примере аналитики семантических параметров красного цвета он всячески закрепляет собственную позицию и утверждает: «Уже одна эстетическая его сила так велика и так очевидна, что нет никакой надобности для объяснения распространности этого цвета прибегать еще к предположениям о религиозном его значении» [там же, 59]. Тем не менее очевидно, что сводить значение и назначение росписи только лишь к эстетическим целям не представляется возможным, ведь она типологически связывается с различными обрядовыми и ритуальными действиями. Вспомним эпическую поэму «Песнь о Гайавате» (1855 г.) американского поэта и переводчика Г.У. Лонгфелло, запечатлевшую в стихотворной форме традиционные легенды индейцев народа оджибве:

<p>«Быстро вышел он, могучий, Рослый и широкоплечий, Сумрачный и страшный видом, С головы до ног покрытый Украшеньями, оружием, В алых, синих, желтых красках, Словно небо на рассвете» «Лица воинов тех были Белой выкрашены краской, Подбородки же покрыты Были густо волосами»</p>	<p>Пример воинской окраски тела и лица</p>
<p>«Краской желтою и красной, Краской алою и синей Все лицо его сияло; В косы, смазанные маслом, И с пробором, как у женщин, Вплетены гирлянды были Из пахучих трав и листьев. Вот как убран и наряжен Встал красавец По-Пок-Кивис»</p>	<p>Праздничное окрашивание лица и тела</p>
<p>«Черной краской лоб покрыл он, Плащ на голову накиннул И в вигваме, полный скорби, Семь недель сидел и плакал»</p>	<p>Траурное окрашивание</p>

Как видно, окраска служит явным признаком повседневной и праздничной коммуникации. К. Леви-Стросс в процессе исследования симметрично развернутых изображений в традиционном искусстве Азии и Америки при сравнении искусства маори и гуайкуру обнаруживает весьма любопытную деталь: «пластический элемент образуется посредством человеческого лица или тела, а графический элемент – узорами на теле или на лице (роспись или татуировка). Узор действительно сделан на лице, но в другом смысле само лицо предназначено для узора, поскольку только благодаря ему и толь-

ко через его посредство оно приобретает свое социальное достоинство и мистическое значение. Узор задуман для лица, но само «лицо» существует только благодаря узору» [Леви-Стросс, 2001, 274].

Кроме того, многие исследователи полагают, что потребность в раскрашивании лица и тела (роспись лица и тела, *bodypainting, facepainting*) могла появиться значительно раньше, чем собственно изобразительное искусство, особенно в районах с жарким климатом, где живописное оформление тела часто служило в том числе и единственной «одеждой» человека. К примеру, А.П. Окладников пишет: «Неотделимой частью рационального начала в человеческом сознании была живая творческая фантазия, ставшая в ходе истории мощным средством постижения мира и орудием для его преобразования в интересах человека. На ее основе возникли художественная деятельность и первые признаки эстетического отношения к действительности. Так, в мустьерских слоях пещеры Ля Ферраси найдены куски красной и желтой минеральной краски, охры-красавика, той самой, которая затем в течение тысячелетий до эпохи бронзы включительно служила нуждам первобытных художников и была основным материалом для их живописных работ. Такие же куски охры оказались в ряде других пещерных местонахождений Франции: в Комб-Капелль, Ле Мустье, Ля Кина, Пеш дель-Азе. <...> наглядное свидетельство того, что охрой пользовались как красящим веществом, вероятно, раскрашивали собственное тело» [Окладников, 1967, 26-27].

Заключение

Таким образом, начиная с каменного века процесс распространения и становления косметических практик трансформации тела является значимым аспектом жизнедеятельности человека в первобытной культуре. Колористический ассортимент природных красителей был весьма ограничен, однако представляется, что роспись тела и его элементов была почти тотальной как с точки зрения ареала, так и с точки зрения ее локализации: она отмечена практически у всех народов и орнамент покрывал большую часть тела. С течением времени активные росписи у южных и «диких» этносов по вполне естественным и понятным причинам стали заменять маски и татуировки, тогда как более северные и «цивилизованные» использовали лишь их элементы с целью ритуализации, стратификации и идентификации, декорирования. Основную социальную и культурную функцию маркирования телесности берет на себя одежда, оставляя для живописно-изобразительных действий только видимые фрагменты тела. Их значение и назначение, как правило, связывалось с устоявшимися представлениями о гармонии, являлось способом отождествления человека с иными проявлениями природы, средством включения человека в цепь мироздания и одновременно обозначения его места во вселенной. Все это сказывалось на стабилизации в трансляции образов, орнаментов, элементов, а изменению подвергалась в основном лишь инструментальная составляющая.

Библиография

1. Бромлей Ю.В., Штробах Г. (ред.) Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 3. Материальная культура. М.: Наука, 1989. 224 с.
2. Гроссе Э. Происхождение искусства. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1899. 293 с.
3. Кабо В.Р. Синкретизм первобытного искусства (по материалам австралийского изобразительного искусства) // Ранние формы искусства. М.: Искусство, 1972. С. 275-300.
4. Ланда Д. де. Постройки и одежда // Сообщение о делах в Юкатане. URL: http://royallib.com/read/de_landa_diego/soobshchenie_o_delah_v_yukatane.html#122880
5. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
6. Лонгфелло Г.У. Песнь о Гайавате. URL: <http://lib.ru/POEZIQ/LONGFELLO/hayavata.txt>.
7. Окладников А.П. Утро искусства. Л.: Искусство, 1967. 136 с.
8. Смирницка Е.В. (ред.) Происхождение вещей. Очерки первобытной культуры. М.: ННН, 1995. 272 с.
9. Сыромятникова И.С. Искусства грима и прически. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1999. 192 с.
10. Харузин Н.М. Этнография. Лекции, читанные в Императорском московском университете. Вып 1. СПб.: Издание В. и А. Харузиных, 1901. 343 с.
11. Angeloglou M. A history of make-up. New York: McMillan Press, 1970. 144 p.
12. Corson R. Fashions in makeup: from ancient to modern times. London: Peter Owen, 2005. 628 p.
13. Guiraud P. Semiology. London: Routledge & Kegan Paul, 1975. 115 p.
14. Gunn F. The artificial face: a history of cosmetics. Melbourne: Wren Publishing Pty. Ltd, 1973. 192 p.

Genesis of the cosmetic practices of body transformation in the culture

Anna V. Pron'kina

PhD in Culturology, Associate Professor,
Acting Head of the Department of culturology,
Ryazan State University named for S.A. Yesenin,
390000, 20 Lenina st., Ryazan', Russian Federation;
e-mail: a.pronkina@rsu.edu.ru

Abstract

The article deals with the emergence of the phenomenon of cosmetic practices of body transformation in the culture methods visual conversion of corporeality associated with scenic or pictorial and plastic decoration of the appearance of the person without disturbing the biological structure of his body. The author mainly analyses the archaeological, ethnographic and, in fact, cultural data, allows to reconstruct the semantic functionality of the circulation of primitive man to the development of the boundaries of his own body by means of painting. Special attention is paid to the adoption of the idea of the totality of the cosmetic practices of body transformation, their permanent sacred and then secular certainty. The research methodology is based on the civilization and comparative approaches, and the principles of comparative-historical analysts, assuming determinism, objectivity and reliability of the results. The analysis allowed to set the time frame of the Genesis, to put forward a number of assumptions associated with their actual representation in the structure of primitive society (utilitarian and non-utilitarian painting, staining ritual, ritual painting, social labeling). The article shows the interrelation of the formation practices cosmetic body transformation with the actual visual appearance of an ancient man; it is argued that the need for painting face and body could appear much earlier than the actual art. The author uses following scientific novelty of research: a historical and cultural analysis of scientific papers, revealing the details of the process of emergence of cosmetic practices of transforming the body in culture; the first investigated the specificity of Genesis of the cosmetic practices of body transformation from the standpoint of refinement, marking, sacralization, socialization and inculturation of the human body.

For citation

Pron'kina A.V. (2016) K voprosu o genezise kosmeticheskikh praktik transformatsii tela v kul'ture [Genesis of the cosmetic practices of body transformation in the culture]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 6 (5A), pp. 343-351.

Keywords

Practice of body transformation, cosmetic practices of body transformation, sociocultural practices, body practices, body transformation.

References

1. Angeloglou M. (1970) *A history of make-up*. New York: McMillan Press.
2. Bromley Yu.V., Shtrobakh G. (eds) (1989) *Svod etnograficheskikh ponyatii i terminov. Vol. 3: Material'naya kul'tura* [Corpus of ethnographic concerns and terms. Material culture]. Moscow: Nauka Publ.
3. Corson R. (2005) *Fashions in makeup: from ancient to modern times*. London: Peter Owen.

4. Grosse E. (1899) *Proiskhozhdenie iskusstva* [The origin of art]. Moscow: Izdanie M. i S. Sa-bashnikovykh Publ.
5. Guiraud P. (1975) *Semiology*. London: Routledge & Kegan Paul.
6. Gunn F. (1973) *The artificial face: a history of cosmetics*. Melbourne: Wren Publishing Pty. Ltd.
7. Kabo V.R. (1972) Sinkretizm pervobytnogo iskusstva (po materialam avstraliiskogo izobrazitel'nogo iskusstva) [The syncretism of primitive art (the case of Australian fine art)]. In: *Rannie formy iskusstva* [Early forms of art]. Moscow: Iskusstvo Publ., pp. 275-300.
8. Kharuzin N.M. (1901) *Etnografiya. Lektsii, chitannye v Imperatorskom moskovskom universitete* [Ethnography. Lectures given at the Imperial University of Moscow]. Saint Petersburg: Kharuzinykh Publ.
9. Landa D. de. Postroiki i odezhda [Buildings and clothes]. *Soobshchenie o delakh v Yukatane* [Message about the affairs of Yucatan]. Available at: http://royallib.com/read/de_landa_diego/soobshchenie_o_delah_v_yukatane.html#122880 [Accessed 01/09/2016].
10. Levi-Stross K. (2001) *Strukturnaya antropologiya* [Structural anthropology]. Moscow: EKS-MO-Press Publ.
11. Longfellow G.U. *Pesn' o Gaiavate* [The song of Hiawatha]. Available at: <http://lib.ru/POEZIQ/LONGFELLO/hayavata.txt> [Accessed 01/09/2016].
12. Okladnikov A.P. (1967) *Utro iskusstva* [The morning of art.]. Leningrad: Iskusstvo Publ.
13. Smirnitska E.V. (ed.) (1995) *Proiskhozhdenie veshchei. Ocherki pervobytnoi kul'tury* [The origin of things. Essays on primitive culture]. Moscow: NNN Publ.
14. Syromyatnikova I.S. (1999) *Iskusstva grima i pricheski* [Art of makeup and hairstyles]. Moscow: Vysshaya shkola Publ.